

3-82-85

Контрольный листок

сроков возврата

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока.

Количество предыдущих книговыдач

21/IX - 128

19/IX - 324

Зак. 3928, тир. 10 000.

1К

155

63(2Р-4НН-2Вык.)
П-76

Краеведческий альманах

НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

Администрация Выксунского района дарит своим землякам замечательный подарок - серию статей об истории приокского края, о людях, ковавших славу городу металлургов. Сегодня, решая насущные социально-бытовые и экономические проблемы, важно не забывать, что именно в глубине веков таятся истоки трудолюбия и мощного потенциала жителей города мастеров. Авторы и создатели данного сборника сумели донести до читателей чувство глубокого уважения к истории, традициям Выксы, людям, живущим в этом замечательном городе.

Губернатор Нижегородской области
В. П. Шанцев

ВЫКСУНСКАЯ
централизованная
библиотечная система

ПРИОКСКАЯ
ГУБЕРНИКА

Выкса 2007

43460/6

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 82(059)

П-76

Приокская глубинка № 1 (1) 2007

Бесценные сокровища хранит человеческая память. Краеведы изучают историю родной земли, по крупицам собирают сведения о событиях и людях. Всех, кто трудится над сохранением уникальных черт выксунского края, объединяет большая любовь к родному городу, его истории, его жителям.

Первый альманах вышел в свет в год 250-летнего юбилея металлургического завода и поселения. Его составители посвятили свой труд Выксе и надеются, что «Приокская глубинка» станет отражением тех культурных тенденций, которые характерны для нашего прошлого и настоящего.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству творческих, неравнодушных, ищущих людей.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО СРОКА

Колич. пред. выдач _____

18/11 446

19/11 321

13/XI 803

ой области

ИЗ ЖИВОГО РОДНИКА ВЫКСУНСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

*От глубокой древности фольклор неотступно
и своеобразно сопутствует истории.*

М. Горький

Рядом с историей, запечатленной в летописях и документах, живет история другая, не написанная, а рассказанная народом. Живет в фольклоре: сказках, сказах, песнях, частушках, былинах, преданиях и легендах. Историю нашего выксунского края с давних времен сопровождают предания - вечный и живой источник народной памяти о былом. В них мы находим не только вымысел, рожденный при передаче устного рассказа из поколения в поколение. Здесь рядом с ним на равных и действительные факты: отзвуки ушедших событий, картины старого быта, судьбы и характеры людские. Поэтому предания - очень ценный вид фольклора. Это своего рода устная народная летопись.

Выксунские предания и легенды многочисленны, разнообразны, увлекательны. Особенно интересны и значительны, на мой взгляд, предания о добром работнике Рошине, защитнике бедных, грозе богатых. Его можно назвать «благородным» разбойником. О нем и пойдет речь.

Предания о «благородных» разбойниках были очень популярны и встречались повсюду. Особенно распространились они с XVIII века. Тогда резко усилилась эксплуатация крестьян, а потому выросло их недовольство. Оно выливалось в стихийные восстания. Скрываясь от преследования властей, их активные участники бежали в леса. Это были люди смелые, сильные и непримиримые. Широкие массы видели в них борцов за свободу и права народа. О «благородных»

разбойниках слагались песни, рассказывались предания. В Орловской губернии их героем был Тришка Сибиряк, на Брянщине - разбойник Акула, у нас - Рошин.

Яркая, колоритная фигура, Рошин заинтересовал исследователей. Несколько преданий о нем были записаны уже в середине XIX века С.Н. Палисатовым в с. Шиморское¹. В советское время, в 30-е годы, когда по всей стране проходил сбор фольклора для юбилейного сборника «Творчество народов СССР»,

московская фольклористка Нина Дмитриевна Комовская посетила 19 районов Горьковского края. Ее особенно поразило богатство народного творчества Выксунского района. Здесь она была летом и осенью 1937 года, в 1940-м, собрала большой и разнообразный материал. И что особенно ценно, в наших селах и деревнях Н.Д. Комовская записала целый цикл устных рассказов о разбойнике Рошине. А именно «здесь, по преданию, Рошин родился и действовал»².

Родиной героя народ считает Тамболес, Верею или Шиморское. В одних преданиях он назван Кузьмой, в других - Василием, Василием Ивановичем. Приводится и его якобы настоящая фамилия - Самарин. «Прозвище ему дали Рошин потому, что он все по рошам ходил»³. Замечу, что это - традиционно разбойничья фамилия.

Подробно можно проследить по преданиям всю историю Рошина: его детство, почему стал разбойником, как действовал, как погиб. «Василий был из семьи отчаянной,

¹ С.Н. Палисатов, «Село Шиморское Меленковского уезда». Архив ВГО, VI, 67, л. 57-76.

² В.К. Соколова, «Русские исторические предания». Изд. «Наука». М., 1970. с. 151.

³ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Про Рошина», № 43, с. 56.

не признавали они ни царей, ни приставов». В детстве обидел его богач, ложно обвинив в краже ножа. «Раз-жечь розгами присудили его на сходке, Высекли его. Он убежал и скрывался в луговой местности»⁴. Запала глубоко в душу эта обида, залегла в сердце ненависть к богачам. В молодости, рассказывает народ, был Рошин лакеем у Баташева. Не угодил он как-то барину - дал Баташев ему пощечину. Рошин не стерпел обиду, бежал. Вот едет Баташев под вечер через лес, смотрит: Рошин стоит. Спрашивает: «Ты чего, Васька, озоруюсь?» - «Нет, - говорит Рошин, - не озорую, а мщу за пощечину»⁵. По другой версии, был в екатерининские времена на Баташевских заводах рабочий Рошин. «И вот терпел, терпел хозяйские несправедливости, да и махнул с дружкой-приятелем в лес»⁶. И так еще говорят: Рошин из солдатчины сбежал и стал разбойником. Так сама жизнь заставила героя преданий мстить богачам за угнетенных, обиженных, бороться за справедливость.

В лесу рассказывают, они с товарищем примкнули к шайке разбойников, и скоро Рошин стал ее атаманом. Уж больно он разбойникам по мысли был! Нравилась шайке не только его сила богатырская, но и ум, находчивость, а главное - справедливость во всем.

Рошин был реальным разбойником. Он нападал на купеческие, а в поздних преданиях - на царские суда на Оке. «На Оке Рошин гулял, от купцов да от царя деньги отнимал»⁷. У одного из первых выксунских краеведов Н.П. Голованова читаем:

*В то время, если кто Окою
С товаром в баржах проплывал,
На миг не знал себе покою,
Весь путь за жизнь свою дрожал.*

(«Рассказ старика Выксы»)

⁴ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «О Рошине», № 40, с. 54.

⁵ Там же. Предание «Пощечина», № 41, с. 55

⁶ Сб. «Нижегородские предания и легенды». В-В. Книжное издательство, г. Горький, 1971 предание «Про Василия Рошина» с. 166.

⁷ «Предания и сказки Горьковской области». «Про Рошина», № 49, с. 58.

Есть на Оке недалеко от Шиморского высокое место - Лысая гора. Народ до сих пор место это связывает с Рощиным. Говорят, что здесь его разбойнички протягивали через реку веревку и останавливали суда, богатые - грабили. «Пойдет царское судно. Рошину кричат: «Едут, мол; катеринкины слуги!» Протянут веревку, команду перебьют, денежки заберут, судно в пруд уведут»⁸. Раз он взял судно царское со слитками золота, на 40 тысяч того золота было, чеканить везли. Золото в лес перенесли и закопали. Так будто бы и рошинские клады в наших местах появились.

Народная память связывает Рощина не только с Окой, но и с глухим и страшным тогда местом - Рожновым бором. Вот как рассказывает предание об этом Н.П. Голованов в стихотворной истории Выксы:

*Вот в этой-то глуши лесной
Шайки разбойников скрывались.
Свободно, явно той порой
В разбоях частных упражнялись.
Одной из шаек атаман
Позднее прочих упражнялся,
Из наших будто б поселян -
Козьмою Рощиным он звался.
Он зверским подвигом своим
Перед другими отличался,
Он был ко всем неумолим,
Кто к нему в когти попадался.
Он все грешил, что попадалось,
Ужасный страх во всех вселил...*

(«Рассказ старика Выксы»)

⁸ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Про катериновы судца», № 48, с. 57.

Неспокойно жилось богачам, барину Баташеву, в чьих лесах хозяйничал Рошин. Делал он облаву на атамана, но тот ушел: знал он в лесу тайные тропы и заветные укрытия. Не мог с ним справиться Баташев, хоть был силен. А Рошин, мстя за обиды народные, много зла ему делал. Ему, например, приписывают поджог заводов в Сноведе и Семилове⁹.

Главное в преданиях о «благородных» разбойниках: обижал только господ, за народ заступался; у богатых брал, бедным отдавал. Так и поступал Рошин. Вот как вспоминают о нем люди: «Бедных не трогал, бедным помогал, только купцов да царевых слуг грабил»¹⁰. «Он к мужикам дружелюбный был»¹¹. Частенько приказывал атаман раздать крестьянам отнятое у господ добро, потому что «господа богатство не своим горбом наживали». Так делал Рошин и при встрече с купеческими обозами, и при задержке груженных барж на Оке.

Как-то встретил он вечером в лесу перепуганную старушку. Заняв в соседней деревне у родных три рублика на корову, она спешила домой: «Рощина боюсь, чай, сумерки». Атаман дает ей десять рублей: «Вот тебе, бабушка, на корову! Рошин я самый и есть. Да ты не бойся меня, я купцов граблю, бедных людей не трогаю». Старуха взяла деньги, да и домой, а после до самой смерти о встрече с атаманом рассказывала. Щедрой рукой награждал Рошин бурлаков, которых заставлял с завязанными глазами переносить в лес добычу с остановленных на Оке барж. Предания утверждают, что он многих обогатил, давая денег из своих кладов. Так, деду одного рассказчика насыпал атаман пригоршню золота. «Он с этого клада избу поставил, сразу на ноги стал. Вот Рощина и помянешь добрым словом»¹².

От добрых дел «благородного» разбойника и его оценка простыми людьми. Если в глазах богатых он -

---

⁹ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Железняков и Мездриков», № 39, с. 54.

¹⁰ Там же. Предание «Место такое есть...» № 60, с. 64

¹¹ Там же. Предание «Атаман Рошин», № 44, с. 56

¹² Там же. Предание «О Рошине», № 63, с. 66

душегуб, изверг, забывший бога и совесть, то для народа это защитник крепостных и гроза жестоких помещиков, являющийся к ним как судья. Про «благородных» разбойников народ вспоминает с неизменным сочувствием. Для простых людей Василий Рошин - справедливый, честный, добрый человек. Он - любимый герой выксунских преданий. Этим

объясняется и обилие рассказов о нем, и особая теплота их тона. О своем герое народ говорит с уважением, симпатией, даже с удивлением и некоторой робостью, как о человеке необыкновенном. Неоднократно упоминается его наряд - красная шелковая рубаша: «Не под поясом ходил, а под кушаком, в красной рубаше, глаза черные, огненные»¹³. Этот праздничный народный костюм подчеркивал красоту атамана и как бы приподнимал его над всеми. Рошин, как все разбойники преданий, отличается исключительной силой: «Сам он был огромного роста, двенадцати пудов весом»; «Он здоровый был, его не победишь». Конечно, это явное преувеличение, но легко объяснимое: бороться с «сильными мира сего» могли, по представлению народа, только люди исключительно могучие, мощные. Разбойники преданий обладают особыми, сверхъестественными качествами. Таков и Рошин. О нем говорят: «Рошин, бывало, платок (кафтан) расстелет и плывет по реке»¹⁴. «Был он как наговоренный. Простая пуля его не брала. Он, бывало, говорит: «Напрасно мучаются царевы слуги, за мной бегают. Все равно меня не возьмут. Я слово знаю»¹⁵. Представление о неуязвимости и чудесной силе разбойника Рошина сохранилось удивительно долго.

¹³ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Атаман Рошин», № 44, с. 56.

¹⁴ Там же. Предание «Рошин и золото», № 53, с. 60

¹⁵ Там же. Предание «Рошина звали Василий Иванович...», № 55, с. 61

Вся симпатия простых людей к своему, народному герою-защитнику полно проявляется в преданиях, рассказывающих о его гибели. Их немало. Одни предания связывают гибель Рощина с ненавистью к нему Баташева, вызвавшего огромное царское войско, чтобы с атаманом покончить. Выгнали солдаты атамана с его товарищами из местных чашоб на Колодливо озеро и там, на озере, расстреляли всех до единого¹⁶. Другие предания говорят о приказе царицы, исполненном Ворожеиным.

Эта версия более поэтичная. Рассказывают, будто Артамону Ворожеину царица пишет: «Уничтожьте Рощина - озолочу тебя». И пошел Ворожеин на темное дело. Напугал он сударушку атамана, и она выдала, что пойдет Василий гулять на Колодливо озеро. Ворожеин силой согнал туда людей с Тамбоlesa, Шиморского и Казнева. Окружили Рощина и его товарищей на озере. Видит атаман: хода нет ему, не вырваться. А тут товарища у него убили. Рассвирепел он, сам стал с лодки с волосками стрелять. А Ворожеин на берегу командует, людей против Рощина научает.

Этот рассказ о поимке героя свидетельствует о глубоком к нему сочувствии: его враг-погубитель назван говоряще - «Ворожеин», дело Ворожеиново - «темным», сударушку он «напугал», людей погнал силой против атамана. Подчеркнуто, что бедных «Рошин не трогал, в народ не стрелял».

Талантливые народные рассказчики создали удивительную по живописности, поэтичную, проникнутую болью и скорбью сцену гибели Рощина. Вот рассказ Василия Ивановича Калинина из д. Н. Веря: «Раскинул Рошин кафтан, хотел по воде уйти - не может. Окружили его и убили. Как убили его, - вдруг кругом все в кустах заплакало, застонало. Из озера огненный столб метнулся, птицы

¹⁶ Сб. «Заря-заряница». Предание «Про Рощина». Горький, 1982. С. 165.

из озера повылетели, звери по-выбежали, гром ударил. И все озеро закричало: «Убит! Убит!»¹⁷.

Иван Ефимович Лелянов из Шиморского о гибели Рощина сказал: «Медью его убили, враг подстерег. А то бы ни за что его не убить. От него пули отскакивали, не брали»¹⁸.

Так заканчивается история «благородного» разбойника Рощина. Из многочисленных преданий встает перед нами сегодня заступник за народ, борец за правду. Многими своими качествами и событиями жизни он напоминает Степана Разина, хотя, как считают исследователи, жил позже, во времена Пугачева, в конце XVIII века. Не случайно в предании «Смерть Рощина» (записано в д. Н.Верея от О.Г. Кулева в 1937 году) появляется Степан Разин.

Был ли у героя выксунских преданий о «благородном» разбойнике реальный прототип? В архивах и различного рода документах нет упоминания о Рощине. Это можно объяснить довольно узким кругом его деятельности, тем, что он был разбойником местным. И все-таки в жизни такой человек, несомненно, был. Может, быть, это крестьянин Петр Иванович Рошин, крепостной муромских помещиков Салтыковых, который возглавлял ватагу в Муромских лесах, а позднее примкнул к Пугачеву (см. статью М. Рогова «Из Выксуни «К Емельяну Пугачеву». «Выксунский рабочий» 08.06.1985, № 91). Может быть, это какой-то другой известный своим заступничеством за крестьян сильный и смелый человек, память о котором живет многие годы, переходя из рода в род. И не так уж важно, какую фамилию он носил: Самарин, Рошин или иную. В преданиях народ создал обобщенный образ - мечту о своем, на-

¹⁷ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Сударушка», № 56, с. 61, «Ворожеин Артамон», № 57, с. 61-62, «Смерть Рощина», № 58, с. 62-63.

¹⁸ Там же. Предание «Рощина звали Василий Иванович...», № 55, с. 61

родном герое-заступнике. В нем и ненависть к угнетателям, и жажда справедливости и свободы, и в то же время вера в чудо, надежда на то, что освобождение принесет какой-то необыкновенный герой (мысли такие - плод политической незрелости крестьян и векового русского авось).

И в наше время живут на выксунской земле рассказы о добром разбойнике Рошине. Исследователь нижегородского фольклора Н. Морохин в своей книге «...И берег, милый для меня» (Н. Новгород, 1992 г.) в главе «Муромские леса» приводит рассказ местного шофера, который вез его от Семилова до Сноведи во время фольклорной экспедиции по логу нашего района: «Вот видите поворот - старая дорога пошла? На ней Рошин княжну встретил богатую, когда на обоз напал. И, говорят, полюбил ее - она женой у него была. А вон слева лес - там у них был лагерь, это мне дед еще рассказывал...».

Особенно живучи предания о рошинских кладах:

«Есть озеро, на нем плавучий остров из деревьев. Ветер подует - плавучий остров перейдет к другому берегу. А под теми деревьями к корням лодка цепями привязана, а в той лодке рошинские клады хранятся»¹⁹.

Предания называют и места, где спрятаны клады: Колдливо озеро, что в двух километрах от Тамболеса, Дедово болото, Высокий Шелох, Кладовая гряда у болота Внутреннее, где, по преданию, с ограбленной на Оке барже 12 нош ценностей зарыты²⁰. Говорят, там до сих пор рошинские клады ищут. Имеют ли народные рассказы о кладах под собой основание? Известно, что разбойничество действительно существовало, что были и случаи больших ограблений. Вот один любопытный документ - «Об ограблении каравана, шедшего из Екатеринбурга с 300000 рублей

¹⁹ «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Плавучий остров», № 61, с. 64.

²⁰ Там же. Предание «О кладах», № 45, с. 56

медной монеты в Москву с 13 человеками военной команды». Караван остановился у села Фокина темной дождливой ночью. «Ночью незнаемо какая разбойническая партия, наплыв нечаянно на караван и взошед на первое судно, из имевшейся на нем денежной казны разбили две бочки и грабежом из них взяли 400 рублей. При том же грабеже караванного Филатова и служителя Федора Филатова били смертью. Разбойники благополучно скрылись». Случилось это 21 августа 1786 года²¹.

Не отголоски ли этого события в предании о 40 тысячах золота в слитках, взятых Рощиным²², в стихах Н.П. Голанова:

*Рошин... пливший караван казенный
С монетой медной разгромил,
Людей, что было, перебил,
Что смог, забрал, но не вполне,
А остальные затопил
Он вместе с баржами в Оке.
До сотни лет все слух ходил,
Что пред Рожном невдалеке
Тот Рошин деньги схоронил
На самом дне в реке Оке.*

(«Рассказ старика Выксы»)

Но как неузнаваемо изменилось в народных рассказах подлинное событие! Какими обросло сказочными подробностями! Вымысел, напоминая, отличительная черта преданий. Скорее всего, вымыслом являются и предания о кладах. Увы, никто на выксунской земле рошинского клада не находил.... Судя по народным преданиям о Василии (Кузьме) Рошине, с которыми мы познакомились, для своего времени и своего места он был фигурой значительной. Вот почему он из фольклора перешел в художественную литературу.

²¹ «Действия Нижегородской губернской архивной комиссии» т. 4, 1786 июнь.

²² «Предания и сказки Горьковской области». Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н.Д. Комовской. Горьковское областное издательство, 1951. Предание «Про Рошина», № 49, с. 58.

Упоминание о Рошине мы находим у нижегородского писателя XIX века П.И. Мельникова-Печерского в романе «На горах». Отзвуки преданий о разбойниках наших мест слышатся в стихотворной повести А.Ф. Вельтмана «Муромские леса» (1831 г.). Широко известна песня разбойника Буримора из этой повести: «Что затуманилась, зоренька ясная...». В 1839 году появилось произведение популярного тогда романиста М.Н. Загоскина «Кузьма Рошин. Истинное происшествие». Герой романа - жестокий разбойник, чудом спасшийся во время разгрома своей шайки на Оке. Потрясенный гибелью жены и дочери в эпидемию чумы в Москве, он раскаивается в своих грехах и уходит их замаливать в монастырь. Как кровожадного разбойника, обижающего мирный люд, представляла Кузьму Рошина и лубочная литература. (Эти издания выходили в Москве в 1876, 1879, 1882, 1890 и др. годы. Всего более 16 изданий).

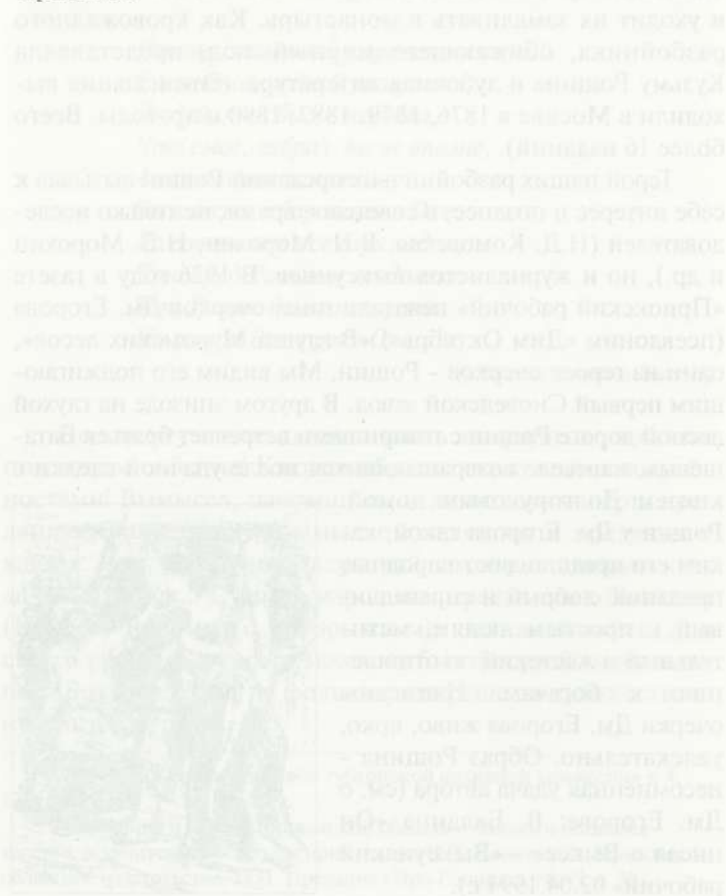
Герой наших разбойничьих преданий Рошин вызывал к себе интерес и позднее, в советское время, не только исследователей (Н.Д. Комовская, В.Н. Морохин, Н.В. Морохин и др.), но и журналистов-выксунцев. В 1926 году в газете «Приокский рабочий» печатали цикл очерков Дм. Егорова (псевдоним «Дим Октябрь») «В глуши Муромских лесов», один из героев очерков - Рошин. Мы видим его поджигающим первый Сноведской завод. В другом эпизоде на глухой лесной дороге Рошин с товарищами встречает братьев Баташевых, навеселе возвращающихся после удачной сделки с князем Долгоруковым домой. Рошин у Дм. Егорова такой, каким его представляют народные предания: добрый и справедливый к простым людям, мстительный и жестокий по отношению к богачам. Написаны очерки Дм. Егорова живо, ярко, увлекательно. Образ Рошина - несомненная удача автора (см. о Дм. Егорове: В. Балдина «Он писал о Выксе» - «Выксунский рабочий» 02.04.1994 г.).

Близок к народной правде о Рошине и Николай Петрович Ключарев, который сделал этого «благородного» разбойника одним из главных героев своей широко известной книги о Выксе - «Работные люди» (1994 г.).

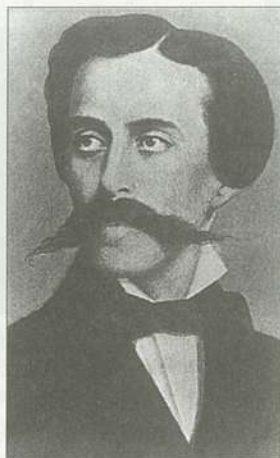
Василий Рошин, персонаж наших лучших преданий, - на мой взгляд, самое поэтическое лицо выксунского фольклора. Рассказали о нем простые люди из народа, наши предки. И рассказали талантливо.

Поистине родная земля щедра талантами! Богата она удивительными, прекрасными народными произведениями - преданиями! Они составляют бесценное наше сокровище.

«НА ВЫКСЕ ПИСАЛ ПЬЕСУ»

186 лет назад в Москве в старинной дворянской семье, богатой талантами, родился Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817-1903), один из самых ярких драматургов XIX века. О нем была сказана крылатая фраза: «Написав мало, он написал много». Мало - всего три пьесы - создано им, и одновременно - много. Ибо все они: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина» - первоклассные произведения. Они и сейчас с успехом идут на сценах наших театров.

Сухово-Кобылин стоит в одном ряду с лучшими русскими драматургами. Как Гоголь и Салтыков-Шедрин, он был сатириком. Его пьесы обличают весь строй старой России - «от канцелярии до полицейских застенков». Не случайно так долго они замалчивались. Драма «Дело» пролежала под запретом цензуры 23 года, комедия-шутка «Смерть Тарелкина» - более 30 лет.

Правдой жизни, беспощадной критикой ее темных сторон, смелой мыслью дорог нам Сухово-Кобылин.

Выксунцам же он дорог вдвойне. Ведь драматург многими нитями связан с нашими родными местами. Мать его, Мария Ивановна, родом из калужских Шепелевых, приходилась племянницей владельцу Выксы, герою Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанту Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву. В молодости зимами жила она в великолепном московском доме дяди на Яузе, который был «не хуже иного герцогского дворца»¹, здесь познакомилась с отставным артиллерийским полковником Василием Александровичем Сухово-Кобылиным и вышла за

¹ А. П. Глушковский. «Воспоминания балетмейстера». «Искусство», М.-Л., 1940. С. 132.

Господский дом в Выксе

него замуж. С мужем и детьми Мария Ивановна бывала у Шепелевых и в Москве, и на Выксе. Особенно тесно связаны были Сухово-Кобылины с Выксой в 1846-1857 годах, когда Василий Александрович по просьбе выксунских родственников был назначен правительственным опекуном над их разоряющимися заводами и имением. Он безвыездно жил в Выксе. Сюда к отцу съезжались, обычно летом, его жена и дети: дочери Елизавета Васильевна (писательница Евгения Тур), Софья Васильевна (художница), Евдокия Васильевна и сын Александр Васильевич.

Александр не раз гостил в Выксе ещё в юности, студентом Московского университета, а теперь жил здесь часто и подолгу, о чем говорят все исследователи жизни и творчества драматурга.

Упоминание об этом удалось мне найти и в письмах Сухово-Кобылина. Так, 30 октября 1847 года он пишет из Томска, где находится по делам, что просил своего друга Бонара «выслать мне на Выксу кое-какие книги и цыгары»². Читаешь эти слова, и становится понятным, что для Александра Васильевича Выкса - привычное, обжитое место, что он намерен после Томска там пожить (не побы-

² Письма Сухово-Кобылина к родным. - «Труды Государственной публичной библиотеки им. Ленина». Выпуск III, М. «Академия», 1934. С. 222.

вать, а именно пожить!). Отсюда и его просьба о вещах необходимых - о книгах и сигарах.

В ноябре 1851 года Александр пишет из Москвы в Выксу, где собралась тогда вся семья, любимой сестре Дуне, что и он скоро приедет к ним в деревню, что выполнил поручение отца: нашел для него экономку³.

Ей же, Дунечке, адресовано письмо, на верхней строчке которого стоят слова: «1858. Февраля 18-го. Выкса»⁴. Оно было написано тогда, когда отец и сын Сухово-Кобылины приезжали в дом Шепелевых, чтобы завершить дела по сдаче опеки.

Чем же привлекала Выкса Александра Сухово-Кобылина?

Во-первых, это было живописное и привольное место, где можно было хорошо отдохнуть от московской суеты и личных бед. Во-вторых, хотелось помочь отцу в его нелегких опекунских делах. И, наконец, радовала возможность побыть в близком молодом кругу, рядом с другом - Николаем Шепелевым.

Николай - младший сын генерала Д.Д. Шепелева, после смерти отца один из владельцев Выксы. Он приходился Александру Сухово-Кобылину двоюродным дядей, но они были почти ровесниками. Молодые люди были очень разные: волевой, решительный, честолюбивый светский красавец Александр - и слабохарактерный, вялый, скромный, невзрачный провинциал Николай. Но в дружбе, как известно, нередко сходятся противоположности. Объединяли их и родство, и возраст, и взаимная симпатия, а ещё больше - общие интересы: любовь к искусству, к театру. Александр, как все Сухово-Кобылины, был восторженным поклонником сцены. Каждое посещение театра становилось для него праздником. В юности его воображение поразил великолепный крепостной театр в Выксе, на сцене которого позднее, по некоторым сведениям, он выступал в любительских спектаклях. Николай, тоже страстный театрал, имел,

³ Письма Сухово-Кобылина к родным. - «Труды Государственной публичной библиотеки им. Ленина». Выпуск III, М. «Академия», 1934. С. 242 - 243.

Кречинский - Лишин.
Колхозный театр
Веневского района

по словам Елизаветы Васильевны Салиас (Сухово-Кобылиной), «выдающийся комический талант»⁵, замечательные способности актера и режиссера. Дружба Александра Сухово-Кобылина и Николая Шепелева началась с юных лет и продолжалась многие годы. Были в этой долгой и верной дружбе особенно памятные события. Одно из них - заграничное путешествие 1839 года. Тогда в Риме молодые люди встретились с Н. В. Гоголем, плавали на корабле по Средиземному морю в

одной компании с писателем. Впечатления остались незабываемые. Через 60 лет, уже в старости, вспоминая эту поездку, Александр Васильевич сказал о Гоголе: «В этом человеке была неотразимая сила юмора... Да, великий был комик. Равных ему я не встречал нигде»⁶.

Друзья уже смолоду находились под обаянием таланта Гоголя. Это был любимый писатель Александра. В 1836 году он увидел на московской сцене комедию «Ревизор», и она стала для него событием.

И вот теперь в Италии, в гостинице озера Альбано, Николай и Александр «зачитывались Гоголем до упаду»⁷.

И совсем не случайно Николай Шепелев позднее, летом 1851 года, поставит на сцене домашнего театра в Выксе комедию «Ревизор». Не случайно Александр Сухово-Кобылин пойдет по стопам Гоголя, по «тернистому пути» сатиры.

Первые шаги его как драматурга были связаны с Выксой. Дневники, воспоминания А.В. Сухово-Кобылина го-

⁵ Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881, № 3. С. 21.

⁶ Цит. по кн.: К. Рудницкий. «А.В.Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества». - М. «Искусство». 1957. С. 126 - 127.

⁷ Посвящение к пьесе «Смерть Тарелкина». «А.В. Сухово-Кобылин. М.Е. Салтыков-Щедрин. Пьесы». М. «Правда». 1984. С.181.

ворят о том, что комедия «Свадьба Кречинского» (1852-1854) создавалась не только в Москве, в доме на Сенной и подмосковном Воскресенском, но и в Выксе, во флигеле Большого дома. Замысел этой пьесы, как известно, возник в Москве.

Летом 1852 года офицер Е. Сорочинский, превосходный рассказчик и театрал, рассказал Александру и его сестре Елизавете, писательнице, комический эпизод из Нижегородской ярмарки: «Попался один шулер, передернул в карточной игре, его за это и угостили». Офицер рассказывал мастерски, «все смеялись до упаду»⁸. И тут всем троим пришлось в голову написать вместе веселую пьесу. Так «шутки ради» была начата «Свадьба Кречинского». Александр, составив порученный ему план пьесы и, набросав первую сцену, которая утомила всю компанию, отдал все записи Сорочинскому и поехал «на Выксу»⁹. Между тем у Елизаветы Васильевны и офицера дело не пошло. А Александр Васильевич увлекся работой и стал писать пьесу один.

Осенью 1852 года, снова отправляясь к отцу на Выксу, он взял с собой рукопись и всю зиму 1853 года, день за днем, работал над комедией. Вот очень важная для выксунцев запись в дневнике Сухова-Кобылина: «1853... Генварь, февраль, март на Выксе писал ответ в М (инициативу) Ф (инансов) и пиесу»¹⁰. Съездив осенью, того же года по делам в Петербург, уже 15 января 1854 года Александр

⁸ Из воспоминаний Н.В. Минина. В кн.: К. Рудницкий. «А.В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества». - «Искусство». М., 1957. С. 39.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ «Странная судьба» (Из дневников А.В. Сухова-Кобылина). Публикация Н.Б. Волковой. В кн.: «Встречи с прошлым». «Советская Россия». М., 1978. С. 28.

Сцена из спектакля по пьесе «Свадьба Кречинского»

Васильевич возвратился в имение Шепелевых, о чем записал: «Проехал на Выксу, где оставался два месяца»¹¹. И ещё одна пометка в дневнике: «1854 ... на Выксе писал Кречинского»¹².

Дела и хлопоты (А.В.Сухово-Кобылин находился тогда под следствием по делу об убийстве его любовницы француженки Луизы Симон-Деманш) не помешали ему уже к концу 1853 года вчерне закончить пьесу. В начале 1854 года здесь, в Выксе, Александр Васильевич впервые прочитал «Свадьбу Кречинского» в кругу родных. Особенно важно для него было мнение друга, вкусу которого он доверял. И оно было благоприятным. Вот как позднее об этом, обращаясь к Николаю Шепелеву, писал Сухово-Кобылин: «Не твое ли чуткое артистическое чувство предрек-ло Кречинскому серьезный успех ещё тогда, когда он писался шутки ради, и не от тебя ли слышал я тогда первое и, могу с правом сказать, единогласное одобрение»¹³. Слова

¹¹ Цит. по кн.: М. Бессараб. «Сухово-Кобылин». М. «Современник», 1981. С. 139.

¹² «Странная судьба» (из дневников А.В. Сухово-Кобылина). Публикация Н.Б. Волковой. В кн. «Встречи с прошлым». «Советская Россия». М., 1978. С. 28.

¹³ Посвящение к пьесе «Смерть Тарелкина». «А.В. Сухово-Кобылин. М.Е. Салтыков-Щедрин. Пьесы». М. «Правда», 1984. С.181.

эти полны благодарности. Ведь Николай Шепелев, с его артистической душой и тонким художественным чутьем, первым увидел в своем друге талант драматурга, по достоинству оценил рождающуюся пьесу и предсказал ей настоящий успех. И он не ошибся.

Доработав комедию, закончив её отделку, осенью 1855 года Александр Васильевич читает своё произведение в московских салонах. «Свадьба Кречинского» вызывает шумные толки и похвалы. Её сейчас же берет для постановки Малый театр. Комедию разбирают и ставят в несколько дней. «Впечатление сильное, успех большой»¹⁴. Так же триумфально прошла пьеса в Александринском театре в Петербурге. После Москвы и Петербурга по всей России разнеслась слава о «Свадьбе Кречинского». Её играли и профессиональные труппы, и любители, и всюду - неслыханный приём, небывалый успех. В 50-е годы пьеса эта поставлена была и в домашнем театре Шепелевых в Выксе. Газеты писали о комедии Сухово-Кобылина как о произведении замечательном, отмечали её живость, остроумие, правдивость

¹⁴ И. Клейнер. «Драматургия Сухово-Кобылина». М., 1961. С. 29.

Расплюев - Н. А. Светловидов.
Зарисовка А. Костомолоцкого

Сухово-Кобылин
на репетиции

действия и жизненность героев. Так оправдались прогнозы Николая Шепелева.

В «Свадьбе Кречинского» А.В. Сухово-Кобылин талантливо нарисовал картину жизни русского общества своего времени. Главный герой комедии - промотавший состояние дворянин Михаил Кречинский, игрок и карточный шулер. Он появляется перед нами накануне краха, когда его ожидает позор за невыплаченный картежный долг, конец всего. Лихорадочно ищет он спасения и решается на брак с миллионершей - юной, нежной, влюбленной в него Лидочкой Муромской, дочерью добропорядочного помещика. Чтобы добыть денег, идет на страшное преступление - на подмену драгоценного бриллиантового украшения невесты фальшивым. В финале пьесы подлог обнаружен, Кречинский разоблачен, слышится грозное: «В тюрьму его!». Но герой не оробел, сумел выпутаться и готов продолжать свои мошенничества.

В этом человеке А.В. Сухово-Кобылин разоблачил отпрысков разорившихся дворянских родов, которые ради денег забывали о чести, совести, порядочности, шли на

Сцена из спектакля по пьесе «Свадьба Кречинского»

обман и преступления. Драматург встречал таких людей повсюду: «Кречинский - везде».

У героя Сухова-Кобылина есть свои прототипы. Среди них московская фольклористка Н.Д. Комовская называет выксунского лесничего, якобы имевшего с Кречинским сходство и внешнее, и внутреннее. Делая такие выводы, она основывается на местных преданиях, собранных ею в нашем районе в 30-е годы XX века. Одно из них Нине Дмитриевне рассказала Мария Васильевна Шарова, жительница Выксы. Предание она слышала от своей бабки, знавшей множество преданий о Баташевых и Шепелевых.

«Статный он был, - рассказывала М.В. Шарова, - красавчик, заглядывались на него бабы - ужас как! А он на кого ни глянет - до нутра ровно пронзит. Глаз у него зоркий был, приметливый! Кто послабей - боялись его, а кто покрепче - обходили. Не хотели, видно, с ним столкнуться, чтоб греха не вышло»¹⁵.

На вопрос фольклористки, не слыхал ли он о лесничем, потомственный рабочий Выксунских заводов Василий Иванович Шаронов ответил: «Толкуют всяко. Однако и мне сдается - этот, главный на сцене, на лесничего схож. Мой дед сказывал, будто про него, лесничего, пьеса написана. Уж больно обличье и повадки его. Лесничий-то, говорят, куда как ловок был! Барина, как хошь, обманывал, вокруг пальца обертывал. А барин и виду не подавал, молчал. Поди ж ты!»

Драматург мог слышать о лесничем в имении Шепелевых или был знаком с ним лично. В комедию «Свадьба Кречинского», должно быть, вошли и некоторые черты выксунской жизни, которую Александр Васильевич хорошо знал.

Успех первой пьесы окрылил А.В. Сухова-Кобылина. Отныне он считал себя писателем. Натура активная, деятельная, он избрал для себя самый боевой жанр - сатиру. Сатира наиболее подходила его таланту, характеру, взглядам.

В 1857-1862 годах Сухова-Кобылин пишет драму «Дело» - смелое разоблачение ненавистного ему чиновничества и неправого суда. В 60-е годы создана им пьеса-шут-

---

¹⁵ Н.Д. Комовская. «Из истории крепостного театра в Выксе». В кн.: «Люди русского искусства». Горький, 1960. С. 49.

ка «Смерть Тарелкина». Это острая сатира на царскую полицию и тюрьму. Работая над этой, третьей своей пьесой, Александр Васильевич снова обращается за советом к своему двоюродному дяде и другу Н.Д. Шепелеву, художественному вкусу которого всегда верил. Летом 1868 года он посылает Николаю Дмитриевичу переписанный экземпляр «Смерти Тарелкина». 1 августа приходит письмо от Шепелева. Постановщик спектаклей на сцене Выксунского театра нашел пьесу «неестественной, лишенной истинного комизма»¹⁶. Хотя Александр Васильевич не согласился со столь строгим мнением своего друга, но понял, что какие-то основания для такой оценки у Николая Дмитриевича были. Видимо, это побудило его сделать некоторые поправки, о чем он вскоре, обращаясь к другу, скажет так: «...несколько недель тому назад, озабоченный спешной отделкой «Смерти Тарелкина», - не к тебе ли обратился за советом и не твоими ли верными указаниями Артиста наведен я на поправки, которые дали этой пьесе целостность и вложили в неё логику мотивов»¹⁷. Николаю Шепелеву посвятил драматург эту последнюю и, по его мнению, лучшую

«Дело». Образец
страницы чернового
автографа. 1887 год

Сцена из спектакля
по пьесе
«Смерть Тарелкина»

¹⁶ В.М. Селезнев. «История создания публикации «Картин прошедшего». В кн. «А.В. Сухово-Кобылин. «Картины прошедшего». Л. «Наука», 1989. С. 311.

¹⁷ Посвящение к пьесе «Смерть Тарелкина». «А.В. Сухово-Кобылин. М.Е. Салтыков-Шедрин. «Пьесы». М., «Правда», 1984. С. 181.

свою пьесу - «Смерть Тарелкина». Предисловие к ней открывается словами: «Николаю Дмитриевичу Шепелеву. Любезный друг!..»

И далее Александр Васильевич, как бы окидывая мысленным взором прошлое, вспоминает ярчайшие эпизоды их долгой дружбы: встречу в Риме с Гоголем, которым они, юноши, «зачитывались до упаду», «единогласное одобрение» другом «Свадьбы Кречинского», его помощь советами в работе над «Смертью Тарелкина». А заканчивает он так: «Право. - старая наша дружба лишнего не сделала, когда она мне шепнула сделать тебе это посвящение и поставить в головах этой третьей и последней моей пьесы твое, близкое мне Имя.

*Тебе преданный А. Сухово-Кобылин.
1869 г. февраля 20-го. Москва*¹⁸.

Эти слова - свидетельство искренней, сердечной привязанности Александра Сухово-Кобылина к Николаю Шепелеву. Это и последний дошедший до нас трогательный знак их дружбы (хотя, без сомнения, их близкие родственные и дружеские отношения продолжались до смерти Н. Д. Шепелева 21 июня 1882 года).

Александр Васильевич Сухово-Кобылин прожил большую, полную драматических событий, борьбы, труда, мысли, жизнь. Умер он в возрасте 86 лет 11 (24) марта 1903 года во Франции. Поздно пришло к нему литературное признание: лишь в 1901 году все его три пьесы сразу увидели сцену, а в 1902 году А.В. Сухово-Кобылин был одновременно с Горьким, Чеховым и Короленко избран почетным академиком Академии наук по разряду изящной словесности.

Немало на нашей земле дорогих русскому сердцу литературных мест. Это всемирно известные пушкинские Москва и Петербург, Пушкиногорье и Большое Болдино; лермонтовские Тарханы и Пятигорск. Это Ясная Поляна Толстого и Шахматово Блока. Есть у нас литературные места и с более скромными именами, но тоже любимые и по-

---

¹⁸ Посвящение к пьесе «Смерть Тарелкина». «А.В. Сухово-Кобылин. М.Е. Салтыков-Щедрин. «Пьесы». М., «Правда», 1984. С. 181.

своему значительные. К ним следует отнести Выксу. Город наш, как мы видели, связан с жизнью и творчеством большого русского драматурга Александра Васильевича Сухова-Кобылина.

Сюда приезжал он в имение своих родственников Шепелевых. Один из них - Николай Дмитриевич - был его добрым, верным другом. В Выксе, во флигеле Большого дома, Александр Сухово-Кобылин писал свою знаменитую комедию «Свадьба Кречинского». Здесь прочитал он первый вариант своей пьесы родным и услышал от своего друга первый - одобрительный - отзыв о ней. И это было признанием его таланта, драматурга и благословением на творчество.

Память обо всем этом безмолвно хранит Большой дом. Он не только свидетель родной нам выксунской старины, но и памятник литературы. И мы должны беречь его как отечественную святыню. Ныне в доме Баташевых - Шепелевых размещился прекрасный Выксунский историко-художественный музей. Экспозиция его, посвященная А.В. Сухово-Кобылину, напоминает посетителям слова драматурга: «На Выксе писал «Кречинского»».

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА КЛЮЧАРЁВА

«Когда-нибудь, быть может, вспомните и обо мне...»

Это памятное письмо я получила 29 июля 1990 года. Долго, с недоумением разглядывала конверт: тяжелый, с почтовым штампом «Доплатить», без обратного адреса и подписи. Но почерк такой знакомый. Подумала: «Николай Петрович Ключарёв?... Но ведь он умер месяц назад, 27 июня! Мистика!»

И все-таки я не ошиблась. Письмо действительно было от Н.П. Ключарёва. Приготовленное заранее, оно было отослано после его смерти. Никогда не забуду первое впечатление - ошеломляющее, словно дружеский привет из другого мира, последнее «Прощайте!»

В конверте я нашла несколько исписанных твердым мелким почерком листов бумаги с заголовком: «В.В. Балдиной - в «досье» о несостоявшемся...» - и подписью «Н.К.» Так обычно подписывал Николай Петрович свои письма из Саратова (мы переписывались с ним с 1983 года, когда я начала заниматься краеведением).

К моему удивлению, в конверте были стихи. Сразу вспомнилось, что как-то в телефонном разговоре (Ключарёвы тогда уже переехали в Выксу) я полушутливо сказала Николаю Петровичу, что собираю на него «досье» и уже немало в этом преуспела. Есть у меня его фельетоны, рецензии, очерки «Из прошлого Выксы», только вот стихотворение одно - «Письмо на Запад». В ответ услышала вполне серьезное, что он журналист, а не писатель и тем более не поэт, хотя в молодости баловался стихами.

И вот передо мной неожиданный посмертный подарок - семь стихотворений! Под ними слова: «Выкса, 1990». Что же заставило Николая Петровича потряхнуть стариной и

сесть за стихи в Выксе на самом-самом склоне дней? Я внимательно перечитала его последние письма из Саратова, вспомнила наши телефонные разговоры в Выксе.

Однажды он признался: «Вся моя жизнь (почти вся) прошла на Волге, вся отдана работе в газете, однако Выкса всегда оставалась близкой и дорогой». Тянуло туда невероятно, особенно после ухода на пенсию. Но надежды вернуться на родину почти не было: у него больное, изношенное сердце, терзают приступы стенокардии, с трудом выбрался из тяжелейшего инфаркта. Евгений Николаевич Нечаев, земляк, друг и врач-кардиолог, решил, что «Выкса стала для него далека... боюсь - навсегда».

Но Николай Петрович стоит на своем. И вот, все преодолев, в конце 1988 года он в родном городе, в любимом старом доме с окнами на Верхний пруд и старинный парк.

После сорока лет жизни в больших волжских городах Ульяновске и Саратове он дома, в милой сердцу провинциальной Выксе. Нет уже привычного бурного журналистского кипения. Друзья, товарищи по работе - там, в далеком Саратове. А здесь почти не осталось даже хороших знакомых: «Иных уж нет, а те далече». Скоро туда дорога и мне...» Николай Петрович стар, устал от болезней, мечтает остаток дней прожить в покое и тишине.

Но покоя нет. Ждут исполнения творческие планы, которые он еще надеется осуществить. Не оставляют и неотвязные мысли о жизни, о себе. В августе 1990 года, думает он, «самая главная дата - день моего 80-летия... 80 лет... Конечно, их не уложишь в 15-16 страничек бумаги»...

На пороге своего большого юбилея Николай Петрович мысленно подводит итоги прожитого и пережитого:

*Промчалась жизнь, как быстроногий всадник,
Как покрик иволги на утренней заре...*

Он мог сказать себе: прожил не зря, жил честно, достойно. За спиной незабываемые фронтовые дни и ночи, время серьезной учебы, годы напряженного, изнурительного труда газетчика, заместителя редактора. Жизнь не стелилась гладкой дорожкой. Знал немало трудностей и бед, и постоянно шло рядом неизбывное горе - трагическая гибель единственного сына. Были в жизни светлые радости, добрая любящая жена, надежные друзья, любимая работа, окрыляющие успехи, уважение людей. И сделано, ох, как немало!

Промчалась жизнь... Нет, не промчалась!

Она видна грядую дел...

Его солдатские военные успехи отмечены двумя орденами Отечественной войны - I и II степени, девятью медалями. За работу в журналистике награжден орденом «Знак Почета», получил звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». А главное - выполнен «сыновний долг перед родной выксунской землей»: написан роман «Работные люди» (часть I - «Железная роза», часть II - «Самородки»). Это, по словам Николая Петровича, книга о том, «откуда есть и пошла еси земля Выксунская», о ее основателях и строителях, тружениках и самородках. Она вся основана на местном материале, вобрала в себя многие народные предания и события прошлого времён Баташевых.

В романе «Работные люди» на каждой странице - Выкса. Это ее природа, Большой дом, заводы, церкви, рабочие слободки. Здесь история наших заводов и достоверные образы заводчиков братьев Баташевых, заложивших основы металлургии в центре России («Все, что относится к Баташевым в романе, - исторично»). Здесь - и это особенно ценно - образы рабочих, рабочих людей, чьими руками все и было создано. Этим простым и мужественным лю-

дям по плечу любой труд и по душе веселье в редкий час отдыха. Несмотря на каторгу жизни, они глядят на мир открыто и доброжелательно. В них ощущается живая могучая сила народная, подчас еще немая (XVIII век!). Отсюда выходят и самородки. И все они - предки сегодняшних выксунцев.

Николай Петрович Ключарёв хотел нарисовать правдивую картину жизни нашего края в прошлом и считал, что в главном это ему удалось.

Вспоминал Николай Петрович и о том, каким долгим и трудным был путь к «Работным людям». Начинался он в краеведческом кружке при газете «Выксунский рабочий», в 30-е годы. Это было время сильного увлечения выксунской стариной, еще были живы первые краеведы-энтузиасты. Шесть лет он, тогда совсем молодой, собирал материал о Баташевых в своем городе, работал в архивах и музеях Москвы, Горького, Владимира и других городов. Уже начал писать книгу.

Но грянула война и все надолго отодвинула: фронт, потом газета. Вплотную приступил к роману уже немолодым человеком: «Не имея времени днем, я писал ночами, рвал себя надвое». Было очень трудно, но силы, должно быть, поддерживала память о родной выксунской земле. Роман «Работные люди» уже стал делом всей его жизни, его «сыновним долгом» перед родиной. И как обрадовало Николая Петровича, что его книга успела выйти в свет к 50-летию Выксы, в 1984 году. Это был его подарок к юбилею любимого города!

Роман «Работные люди» Н.П. Ключарёв назвал главной книгой, вершиной всех своих трудов. И признался: «Я счастлив, что написал ее. И пусть память обо мне затмится годами, книга будет жить».

В эти последние месяцы в Выксе он, очень немолодой и совсем больной человек, снова работает - много, не

щая себя. В 1989 году на страницах «Выксунского рабочего» одна за другой появляются его статьи о друзьях-газетчиках, о выксунском комсомоле («Прощание на берегу Оки», «Заре навстречу», «Комсомольский запевала», «Трое из Досчатого»).

Никто не расскажет о человеке лучше его самого. В феврале 1987 года на мою просьбу написать автобиографию Николай Петрович ответил: «А биографию как-нибудь сочиню. Только кому она нужна? Я «не академик, не герой, не мореплаватель, не плотник». Хотя - «я червь, я раб, я царь, я бог!». Шучу, конечно». Но, видимо, время пришло - и теперь он садится за свою автобиографию, топясь, волнуясь - первый опыт, переживая все заново, делаясь сокровенным. В воспоминаниях - автобиографии «Минувшие годы» - он сам, его жизнь. (Напечатано в августе 1990 года, вскоре после смерти Н.П. Ключарёва, в газете «Выксунский рабочий».)

Вспоминая прошлое, размышляя о своей жизни, Николай Петрович спрашивал себя: все ли сделал, что мог? Все ли состоялось? И должен был признаться: «...кто знает, не будь войны, я давно сделался бы профессиональным писателем». И сейчас у него, журналиста с душой писателя, еще оставались планы литературные. Думая о своем близком уходе, он обронил: «...А жаль. Хотелось бы еще что-нибудь сделать на выксунском материале - историческом или современном». Или хотя бы закончить незавершенное. На письменном столе ждут своего часа еще не напечатанная повесть о металлургах «Чистый кип» и наброски рассказа о жизни драматурга Сухова-Кобылина в Выксе. Не раз говорил мне Николай Петрович о том, что собирается написать о своих встречах на выксунской земле с московскими и нижегородскими писателями («Литературные встречи»), да руки не доходят. Делился впечатлениями об известном поэте

Павле Антокольском, человеке умнейшем и интереснейшем, и об авторе повести «В маленьком городе» Александре Письменном. И еще, по словам Е.Н. Нечаева, была у него заветная «идея - описать Сноведские заводы. Это тоже старина-матушка».

К работе Николай Петрович всегда относился серьезно. Еще в письмах из Саратова он просил меня сообщить, что можно прочесть о драматурге А.В. Сухово-Кобылине, его поездках на Выксу и работе здесь над комедией «Свадьба Кречинского», уточнял отдельные факты и детали. О собранном материале сказал так: «Все это нужно проверять и проверять. Всячески. Всесторонне. Как говорит молодежь, «без дураков». Сохранилась толстая тетрадь в коричневом переплете с заготовками для задуманного рассказа: «Над ним надо работать и работать».

Планы были грандиозные, захватывающие. Замахнулся Николай Петрович на большое, но понимал: «На исходе лет сам-то я ничего не сделаю. И годы, и здоровье не те». И болезнь берет свое, и сил немного. Сидеть, как прежде, ночами он не может. Подводят и глаза: «Пишу одним глазом, «половинкой мощности», другой почти закрылся». А времени, чувствует, остается все меньше. Николай Петрович дорожит каждым часом, никого не принимает, особенно людей назойливых и бесцеремонных, ищет уединения - для работы.

Обычно мы с ним беседовали по телефону. Чаше Николай Петрович звонил сам: я не решалась его беспокоить. Говорили о многом. Он был озабочен состоянием нашего краеведения, сделал несколько полезных замечаний. Как-то посоветовал: «Помните, годы летят. Если что-либо не успеете сделать, неизвестно, сделает ли кто другой». Я поняла, что он сказал это и себе. Мысль «Не успею!», видимо, очень его тяготила. И вот тогда, когда на большие планы уже не

осталось сил, а так много всего теснилось в сердце, и обратился Николай Петрович к произведениям малым - к стихам. Это последнее, что он написал, о чем хотел сказать. Назвал многозначительно: «Несостоявшееся».

Стихи из конверта: «Девчонка», «Старая шинель», «В тумане стынет тишина», «Посиди со мною рядом», «Хороши весной в саду цветочки», «Листопад», «Промчалась жизнь». Перед стихотворением «Хороши весной в саду цветочки» Николай Петрович написал: «А это чтобы вы посмеялись. Пародия на известную в свое время песенку». А дальше - легкие, веселые, озорные строфы-частушки. Все другие стихи из конверта серьезные. О чем они? О далеком и близком, о главном в жизни, о себе и о нас. Это стихи - воспоминания и раздумья, стихи-прощание. В них светлая печаль о невосвратно ушедшем и мудрое приятие старости и близкого ухода. Последнюю запись Николай Петрович сделал под стихотворением «Промчалась жизнь»: «Простите за почерк - слепну окончательно. Пишу, не видя букв, по памяти. Стихи, конечно, писаны не для печати - для души. Поэтому и есть в них много корявого».

Да, стихи эти не блещут поэтическими красотоми, но подкупают искренностью, теплотой и какой-то щемящей душой открытостью мудрого сердца. Мне они понравились.

Я очень дорожу письмом с прощальными стихами Николая Петровича Ключарёва, еще больше - его доверием ко мне. Письмо он закончил так:

Когда-нибудь, быть может,

Вспомните и обо мне,

«Что жил-де такой

певец кипяченой

И ярый враг воды сырой». (Это, конечно, не моё) - о словах В. Маяковского).

«Вспомните и обо мне...» Эти слова - просьба помнить, - конечно, обращены ко всем нам, выксунцам.

Николая Петровича Ключарёва уже нет с нами. Он немного не дожил до своих 80 лет (04.08.1910 - 27.06.1990). Истинный патриот своего края, он больше многих писавших о Выксе заслужил нашу благодарную память.

Николай Петрович глубоко любил свою дорогую родину: «Здесь я родился, это земля моих предков». Здесь

начинался он как человек, как журналист, как писатель. Здесь были его верные друзья и коллеги-газетчики. Николай Петрович всегда интересовался жизнью выксунцев, до последних дней своих хотел быть им полезным. Выксе посвящена и его главная книга «Работные люди», ставшая для нас настольной, и его последние очерки и литературные планы.

В родной город приезжал Николай Петрович с Волги летом на отдых. Сюда вернулся он в старости навсегда, как возвращается человек к своим истокам.

ЛИСТОПАД

Вот и пришла к нам пора увядания,
Падают листья, кружась над землей,
В силу вступает закон мироздания -
Лето уходит на зимний покой.

Листопад, листопад...
Он кружит, как метелица.
Я шагаю знакомой тропой,
Желтый ковер мне под ноги стелется,
Листья сухие шуршат под ногой.

Листья сухие, знамёна осенние,
Бабьего лета прощальный наряд.
Как и весенней природы цветение,
Мне о прошедшем они говорят.

Листопад, листопад... Кружит каждую осень.
Стаи птиц запоздалые к югу спешат,
Оставляя полей опустелую просинь,
Листопаду на смену придет снегопад.

Завьюжит закружит над землею,
Комья снега в лицо полетят,
Осень сменится снежной зимою,
Снегопад, снегопад, снегопад.

ПРОМЧАЛАСЬ ЖИЗНЬ

Промчалась жизнь, как быстроногий всадник,
Как покрик иволги на утренней заре,
И молодости звонкий праздник
Сменился старостью. Она уж на дворе,

Стучится в дверь своими костылями,
Страшает тем, что завтра ждет,
Пугает, будто смерть не за горами,
Что будто бы вот-вот войдет.

Я ей говорю, карге суглобой:
«Ты отмеряешь время по часам,
Но только жизнь мою не трогай,
Когда придет черёд - я знаю сам».

Промчалась жизнь... Нет, не промчалась,
А лишь замедлила свой бег.
Ведь всем известно, что под старость
Походку изменяет человек.

Идет шажком, неторопливо,
Той прыти, что была когда-то, нет,
А все же поступь горделива -
Прожито ведь немало лет.

Промчалась жизнь... Нет, не промчалась!
Она видна грядую дел.
А если чувствуешь усталость,
То это значит - есть всему предел,

Предел делам, мечтам, хлопотам,
И радостям, и горестям черта.
Но как итог земным заботам
Стоит тех дел большая высота.

Зачем печалиться судьбою?

Судьба у всех у нас одна.

Одна нам на двоих с тобою,

Одна судьба на всех дана.

Настанет время, час заката -

Ты голову пред ним склони.

К тому, что позади, уж нет возврата,

Свой час достойно ты прими.

ПОСИДИ СО МНОЮ РЯДОМ

Посиди со мною рядом,

Посиди.

На меня желанным взглядом

Погляди.

Мы с тобой давно знакомы,

Много лет.

Я хочу в глазах зеленых

Прочитать ответ.

Ты поверь: мне очень нужен

Твой привет.

Ведь не зря с тобою дружим

Столько лет.

В парке тихо замирает

Песня соловья.

Нас с тобой там ожидает

Старая скамья.

На нее нам сесть бы рядом,

Хоть на край.

Приласкай желанным взглядом,

Приласкай.

В ТУМАНЕ СТЫНЕТ ТИШИНА

Сошли с полей снега, и не выюжит пурга -
Передо мной в разливе светлая Ока.
Как много раз весною я приходил сюда,
И ты была со мною в те давние года.
За ближним плесом - голоса,

тревожный шум сосны,
И голубеют небеса, как благовест весны.

Я слышу стук весла
И тихий всплеск воды.
В густом цветении стоят
Прибрежные сады.

Алмазной россыпью полна
Густая сеть полян.
В тумане стынет тишина,
И над водой туман.

Все было и прошло, как будто миг один.
Любовной страсти сон в тиши не прозвучит,
Никто меня с собой уже не позовет,
Все, все кругом молчит, все в прошлое уйдет,

И тихий стук весла,
И бульканье воды.
Лишь в тишине стоят
Зеленые сады.

ДЕВЧОНКА

Девчонке пошел девятнадцатый год.
Полгода девчонка в землянке живет.
В райком подала заявление сама,
И вот ей солдатская форма дана.

Полгода - немало, если в бою
Насквозь продырявят шинельку твою.
Коль ранят несильно, скажи: «Повезло»,
И снова в сражение, всем ранам назло.

Дошла до Можайска, Сычевку брала
И дальше - на Ярцево связь повела.
- «Волга» - я «Вятка»! Ты слышишь меня?
Слышишь, как траки у танков звенят?

Наши танкисты в атаку идут,
Фашистскому зверю жару дадут.
Но наших так мало, и фрицы ползут,
И мы оставляем последний редут.

«Волга», ты слышишь? Огонь на меня!
Огонь на меня, огонь на меня!
Бей, не жалея снарядов и мин,
Пусть рвутся над нами, мы все вам простим!

Фрицы стухнули, метнулись назад.
Убитые в схватке связисты лежат.
Двадцатый пошел девчоночке год,
Солдатскую службу девчонка несет.

СТАРАЯ ШИНЕЛЬ

Черные деревья на белом снегу...
Вот сейчас я встану, встану и пойду.
На себя надену старую шинель,
Ту, что выручала в зимнюю метель.

Пусть насквозь прострелен я,
Крови в жилах нет -
Я своей шинелью, как всегда, одет.

Значит, снова можно мне идти вперед!
В мире так тревожно, и труба поет.
Надо мной расступится мерзлая земля -
Ведь лежать под нею долго мне нельзя.

***

Хороши весной в саду цветочки,
А еще лучше девушки весной,
Прибежит дружок,
Голубой платочек, -
Сразу жизнь становится иной.

Хороши в густом лесу тропинки,
А хожу я только по одной,
В солнечный денечек
Сядешь на пенечек, -
Сразу жизнь становится иной.

Хороши в селе у нас девчонки,
А гуляю только я с одной,
Выйдешь на лужочек,
Обнимешь разочек, -
Сразу жизнь становится иной.

Хорошо в лесу гулять зимою,
А еще лучше с девушкой весной,
Погладишь по месту,
Мягкому, как тесто, -
Сразу жизнь становится иной.

Хорошо жить с доброю женою,
Хуже - если с женщиной скупой,
Попросишь на бутылку -
Получишь по затылку.
Сразу жизнь становится иной.

Хороши кубинские сигары,
А еще лучше наш «Прибой».
Вынешь папироску,
Сунешь в рот, как соску, -
Сразу жизнь становится иной.

Я пропел бы вам куплеты эти,
Голос у меня густой.
Но как вдруг заноешь
Да по-волчьи взвоешь,
Сразу жизнь покажется иной.

ПОЭТЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ...

В те далекие двадцатые жил в Выксе молодой поэт и журналист Василий Гаврилович Балдин (1902-1934 годы). Родом он был из крестьян Владимирской губернии. С детства увлекался литературой, писал стихи. В 1920 году 18-летним пареньком пришел на Выксунский металлургический завод. Начинал учеником слесаря, но скоро выдвинулся как хороший организатор. С 1924 по 1931 год занимал в Выксе ряд ответственных постов на профсоюзной работе. В 1931 году бюро Выксунского райкома ВКП(б) его, члена партии с 1927 года, направило в редакцию газеты «Выксунский рабочий» в качестве организатора бригад рабочих корреспондентов на металлургических заводах. Был он также редактором радиогазеты, позднее - зав. сектором в газете.

Одновременно писал, печатался в «Нижегородской коммуне», «Ленинской смене», «Выксунском рабочем». Это были стихи, корреспонденции, фельетоны, очерки, главы повестей «Мартены гудят», «На пойме». Произведения молодого автора написаны на злобу дня, в них ощущается горячее дыхание того бурного, неистового времени - поры созидания, строительства нового, острой борьбы со всем старым. Стихи начинающего поэта еще не столь совершенны, но для нас они сегодня как отзвук, как эхо времени, и их ценность - в страстной гражданской позиции писавшего. В них Василий Балдин славит стройку и ударников труда, едко и хлестко бичует рвачей, пьяниц, лодырей и прогульщиков.

В 1930 году поэт вошел в литературный кружок при «Выксунском рабочем» и вскоре стал его ответственным

секретарем. Редактор газеты А. Лебедев отмечал его «растущие способности в области литературы и журналистики». Как одаренный начинающий поэт В. Балдин в 1931 году на пленуме Нижегородской ассоциации пролетарских писателей был избран в члены правления этой организации.

В 1932 году по рекомендации редакции «Выксунского рабочего» Василий Гаврилович был направлен на учебу в Москву, в Редакционно-издательский институт ОГИЗа (сейчас Литературный институт им. М. Горького). Учился на факультете редакторов художественной литературы, был ударником учебы. Одновременно работал в ЦК союза рабочих металлургической промышленности зав. информ-группой. Он подавал большие надежды и как талантливый организатор, и как поэт.

Но в 1934 году Василий Гаврилович Балдин тяжело заболел и умер.

ПИСЬМО ДРУГУ

*Мотя, Мотечка, Матвей,
Мое сердце ты согрей, -
Политровочки пришли
На помин моей души.*

Ты в жажде бурной опьяненья
Четверостишие изрек
Я с поэтическим терпеньем
Листочек маленький сберег.

Холодный мрамор не согреешь
Янтарной влагою вина.
О друг! Напрасно ты потеешь:
Не выпить море нам до дна.

На алкоголь растратив силы,
Пройдешь ты быстро жизни путь,
И с края в темную могилу
Поможет водочка столкнуть.

Ты видишь: распитые стопки
Электротоком у жены
Горят во взорах кареоких,
Печалью в них отражены.

И я в ненастную погоду
Когда-то тоже хлестко пил,
Но пил тогда, когда в невзгоду
Мозги немного опустил.

Теперь то время миновало.
Исчезни, сгинь, беда лиха!
На хмельный бред не променяю
Огонь и музыку стиха.

Они разливами пьянеют
Колхозной будущей весны,
И стройкой жизни пламенеют
Поэта творческие сны.

Ну, друг, до скорого свиданья!
Надеюсь, понял, что я гну, -
Прими мое соревнованье,
Поэта лозунг: «Бой вину!».

МАРШ «ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ»

*«Легкая кавалерия» -
движение советской молодежи
в 20-30-х годах как форма участия
в общественном контроле.*

Сов. энциклопед. словарь

Давно умолкли выстрелы
Воюющих полей,
И вот - «кавалеристы» мы
Без шашек и коней.

В затишье не умерили
И мужество, и гнев,
И легкой кавалерии
Рокочущий напев.

Кто прячется, хоронится
Тихохонько, как мышь
От комсомольской «конницы»,
Шалишь, не убежишь

В поход на аппаратчиков,
Героев лживых строк.
В атаку на растратчиков,
На взятку, на подлог.

Пускай умолкли выстрелы
Воюющих полей,
Теперь «кавалеристы» мы -
Без шашек и коней.

Мы бодрость не умерили
И мужество свое.
В атаку, «кавалерия»,
Из ножен - «острие»!

Выкса. Декабрь 1929 г.

«КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ»

*«Посвящается» летунам, рвачам,
прогульщикам и пр.*

Ты и честь, и совесть продал,
Променял на лень.
Спишь спокойно, трутень-лодырь,
В ночь и в ясный день.

А на стройке лучших прочих
Льется тяжкий пот.
Спи же ты, семьи рабочей
Выродок-урод.

Ты, по горло наливаясь
Водкой, точно жбан,
Забываешь, пропиваешь
Цех и промфинплан.

А когда придет получка,
Воешь, точно волк:
«Эх, мала деньжонок кучка!
Где ж в работе толк?!»

И летишь, расправив крылья,
Нюхом шевеля,
Поискать в местах «непыльных»
С «колесо» рубля.

И назад не поглядишь ты -
Там хоть встань завод,
Лишь сорвать бы только лишних
Рубликов пяток.

Ты забыл, что окружают
Нас враги кругом,
Ты забыл, что может грянуть
Вдруг военный гром,

Что прорыв и каждый промах,
И прогула час -
Псам кровавым польза, помощь,
Кабала для нас.

Спи ж, урод семьи рабочей,
Я тебе пою.

Гневом этот стих отточен,
Баюшки-баю!

Выкса. 1931 г.

- Так сказал о себе поэт-выксунец Борис Личнов (1916-1949). И это правда.

У него была лирическая, трепетная душа. Он чутко откликался на чужую боль и радость, тонко чувствовал красоту мира и человека, страстно хотел вылить себя в яркое поющее слово.

Писать стихи начал в пятом или шестом классе школы. Первое печатное его стихотворение, небольшое, в пятнадцать строк, называлось «Так рос завод». Оно появилось в районной газете в 1934 году, когда Выкса получила статус города. С 1935 года печатался систематически.

В литературном кружке при редакции «Выксунского рабочего» 19-летний Борис Личнов сразу выделился среди начинающих авторов как наиболее одаренный. Его поэтическое дарование заметили известные горьковские поэты Б. Пильник, М. Шестериков, Ф. Жиженков. Они советовали ему овладевать стихотворной техникой, биться за каждое слово, каждую строку, каждую рифму. Бережное и тактичное внимание старших товарищей окрыляло. В 1938 году Борис Николаевич Личнов представляет молодую поэзию родного города на областном совещании молодых писателей.

Расцвет поэтического творчества Б. Личнова относится к 1935 - 1941 годам. Чем старше становится поэт, тем тщательнее он работает над своими стихами, тем строже их оценивает и реже печатает, не гонясь за быстрым успехом. К двадцати пяти годам, кроме множества газетных заметок, нескольких рассказов, очерков, фельетонов, сказок, Борис Личнов написал более ста стихотворений, тридцать из них были напечатаны.

Другой его большой любовью была газета. В заводскую многотиражку «Металлург» Борис Николаевич пришел вскоре после окончания средней школы, в 1936 году. Должно быть, это был зов металла: его деды и прадеды, начиная с основателя рода Афанасия Личнова, были знаменитые сноведские металлурги, искусные мастера чугунного литья; его отец, Николай Петрович Личнов, военком Выксы 20-х годов, начинал как слесарь. Но

знавшие Бориса Николаевича люди утверждают, что просто он был прирожденным газетчиком. Много времени, сил, здоровья отдал он газете металлургов как сотрудник редакции, зав. производственным отделом, зам. редактора, ответственный секретарь. Когда во время Великой Отечественной войны издание газеты было временно приостановлено, Бориса Николаевича отозвали на партийную работу. Но в 1944 году он снова вернулся к любимому делу - в газету «Выксунский рабочий», в качестве литературного сотрудника.

У него были большие творческие планы, но осуществить их не пришлось.

Жизнь Бориса Николаевича Личнова оборвалась очень рано: в возрасте тридцати трех лет он умер от туберкулеза.

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ

Здравствуй, синеглазая, родная!
Нынче снова я пишу тебе
О друзья, о звонких песнях мая
И совсем немножко о себе.

Ты пришла в тот день,
Когда мы вышли
Подымать сухих полей пласты.
Бегали в тревоге полевые мыши,
И, пестрея, кланялись цветы.

Было утро то таким же синим,
Так же пламенно алел восток,
Падал солнца луч в бессилье
На прибрежный голубой песок.

Когда пришла ты со своей бригадой
На поля, нас песнями пьяня,
Я краснел, как нашаливший мальчик,
И смотрел украдкой на тебя.

Я стоял перед тобой смущенный,
Нужных слов никак не находил.
Ты сказала просто и спокойно:
«Добрый день, товарищ бригадир!»

И с усмешкой протянула руку,
Я, робея, дал тебе свою...
В этот день, забыв про злую скуку,
Я влюбился в молодость твою.

Выкса. Август 1935 г.

ПИСЬМО С ЮГА

Декабрь. Мороз на окнах вышел
В узорах белые цветы,
И горбятся под ветром крыши,
Как белоснежные хребты.

Почтарь конверт мне ярко-синий
С улыбкой положил на стол,
Стряхнул с усов промерзших иней,
Прижег сигарку и ушел.

В конверте, бисером рассыпав
Слова и радостный привет,
Мне пишет с юга друг мой милый,
Боец, охотник и поэт.

Он пишет о просторах моря,
О девушках из дальних стран,
О том, как море страшно стонет
И горы прячутся в туман.

Теплом и морем вдруг пахнуло
В мое лицо от этих строк.
Казалось, что весна шагнула
Приветливо через порог.

И в окна не мороз стучится,
Не ветер ставнями шумит -
Весна в плаще зеленом мчится,
И гордый конь под ней храпит.

На нем уздечка золотая
Свита из солнечных лучей...
Весна, наездница лихая,
Вдруг встала у моих дверей.

Вошла. Я протянул к ней руки
И замер, будто бы во сне.
Нетерпеливый конь от скуки
Стучал подковой по земле.

В полях шуршал несжатый колос,
И пенились сады в цвету.
Так торопливый письмоносец
Принес мне в декабре весну.

И он, наверное, не думал
О том, что в сумке нес своей
Письмо, наполненное шумом
Морской волны и тополей.

Выкса. Декабрь 1936 г.

* * *

В часы тяжелого раздумья,
В часы безвыходной тоски,
В минуты грозного безумья
Мне хочется твоей руки.

Мне хочется, чтоб ты призналась,
Как прежде в юности былой,
Что шла ко мне и улыбалась, -
В своей накидке голубой.

Мне хочется, чтоб вместе, вместе
Мы шли с тобой в руке рука...
Чтоб видели мою невесту
Цветы, деревья, облака.

Мне кажется порой: тыходишь
В мой старый, полусгнивший дом.
Но нет, с другим ты дружбу водишь,
Свою любовь сожгла в другом.

А я - как странник одинокий,
Дрожит усталая рука...
Ты для меня как сон далекий,
Как в песне лучшая строка.

7 ноября 1941 г.

ВЕЧЕР

Вечерело. Тополя притихли,
Перестав ветвями шелестеть.
Птицы в чащу леса улетели,
Птицы перестали песни петь.

За окном березонька девчонкой
В нежно-белом платье замерла.
С нею вечер чернобровым парнем,
Будто из соседнего села...

Он пришел к березке на свиданье,
Ласковый, задумчивый, простой.
Где-то под гармонь поют «Страданье»,
Месяц проплывает над рекой.

Я встаю и воздух в грудь вбираю,
Распахнувши окна в сонный сад.
На меня сквозь синий ситец неба
Звезды любопытные глядят.

«Черт возьми, какой хороший вечер!
Эй, прохожий, слушай, погоди!..
Неужели от любимой встречи
Сердце птицей может петь в груди?»

Неужели от девичьей ласки
Камни молодеют и цветут?..»
Человек, плечистый и лобастый,
Мне ответил: «Правильно, не врут!»

Февраль 1937 г.

* * *

Два парохода в синих водах,
Встречаясь, подают гудки.
А с палубы и с той, и с этой
Мелькают белые платки.

Как будто белых чаек стая
Взлетает в купол голубой.
Тебе привет я посылаю
С бегущей к берегу волной.

Тебе! А сердце тихо шепчет:
«Ты одинок, ты одинок»...
Как маленький флажок, трепещет
Мой к солнцу поднятый платок.

Но ты не видишь, ты не знаешь
И не ответишь никогда.
Ты где-то тихо угасаешь,
Как одинокая звезда.

А мой корабль проходит мимо,
Как многие уже прошли.
Смотрю на мир я сиротливо
Пришельцем из другой земли.

И взгляд мой устремлен далеко
На золотеющий восток.
Стою один, подняв высоко
Слезами смоченный платок.

Апрель 1942 г.

ЖЕЛАНИЕ

Над степью широкой, не ведая страха,
Орлы молодые летят
На крыльях могучих. От каждого взмаха
Гранитные горы дрожат.

И клонятся травы, зеленые клены,
Как будто от ветра шумят.
Над степью широкой, в просторе бездонном
Орлы молодые летят.

И мне захотелось туда, в поднебесье,
Где воздух звенит серебром,
Где много простора, где сердцу не тесно
И вместе с могучим орлом

Над миром лететь, облака обгоняя,
Взвиваться быстрее стрелы,
В борьбе за народ умереть. Умирая,
Услышать: «Спасибо, орлы!»

4 ноября 1941 г.

МЫ ПОМНИМ

В тревожные дни, когда тучи ненастья
Повисли над нашей любимой страной,
Мы, веря в победу, в грядущее счастье,
Под знаменем Родины приняли бой.

Горели селенья, родные до боли,
Хлеба золотые топтал супостат,
Земля стала влажной от слез и от крови,
Враг в сердце нацелил нам свой автомат.

Мы помним сожженных детей в Майданеке,
Мы помним героев твоих, Краснодар,
Из слез материнских собрать можно реки, -
И все ж мы к врагу не пошли на поклон.

Нам дороги были отцовские хаты,
Мы слез материнских простить не могли.
И день тот пришел, день суровой расплаты
За каждую горсточку русской земли!

Пусть немцы, встречая, сгибаются низко.
Мы знаем, где спрятаны их клыки.
Не дрогнет рука, из собаки фашистской
Дух вышибут русские наши штыки.

Не спрятаться банде в подвалах Берлина!
Раз совесть забыли, огнем обожглись,
По-нашему: клин вышибается клином,
Чего вы хотели, того дождались!

Выкса. Март 1945 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Репродуктор будит нежным звоном,
Новой сводкой, радостной, как стих.
Солнце улыбается над кленом,
Теплый вечер за окном утих.

Голос диктора летит над миром
Через Альпы, через океан.
«Русские герои над Берлином!» -
С гордостью чеканит Левитан.

Я склоняюсь над кроватью сына,
Захмелев без песен и вина...
«Милый мой, проснись скорей, любимый:
К нам стучится радость и весна!»

Выкса. Март 1945 г.

БУДУЩЕЕ

Нашим детям посвящаю

Я будущее представляю так:
Улиц широких асфальтовый глянec,
Дома-великаны. Красный флаг
На Красную площадь несет африканец.

В одной колонне, плечо с плечом,
С ним в ногу шагают поляки и финны.
Оркестры гремят, молодежь идет,
Подставив лучам богатырские спины.

Я будущее представляю так:
Дожил человек молодым лет до ста!
В больницу к врачам заросла дорога,
Забыл человек, что такое боли.

Обойдя полсвета - не найдешь «убогих»,
И нет разговоров «о земле и воле»,
Потому что земли у каждого - весь земной шар
Человек - хозяин земли и неба.

А если б только кто подсчитал,
Сколько у человека в сусеках хлеба!
Считай сто лет - не сочтешь,
Урожай миллионный снимают с поля.
На всем земном шаре рабов не найдешь
У каждого навечно «земля и воля».

На Марсе у вас будут жить друзья.
К ним в гости слетать нет труда особого:
В два сели, а в четыре дня
Вы там пьете чай у своего знакомого.

О войнах лишь в книгах будут читать:
Время это укатит в туманную древность.
Пушкам и танкам без дела стоять -
Будут они как музейная редкость.

Но чтобы мечта эта стала явью,
Чтобы все это сбылось скорей,
Без жалости бьем мы все скопище вражье,
Без промаха, с каждым ударом сильней!

Так, чтобы враг не сумел подняться
И не мешал нам спокойно жить.
Мы - мирные люди, но если драться,
Мы можем насмерть врага убить!

СЛОВО ОТ СЕРДЦА

Николай Степанович Сидельников (1916-1987) - самодеятельный поэт из Досчатого. Родился в Ульяновской области в многодетной крестьянской семье. Жизнь его порой складывалась нелегко, не раз проверяла на прочность и мужество - устоял. Окончив школу, в возрасте 16 лет учительствовал в начальных классах. Потом, с 1937 года, - в армии. Прошел всю Великую Отечественную войну как связист. Участвовал в боях на Невском пятачке (Ленинградский фронт), в Корсунь-Шевченковской операции (3-й Украинский фронт), в штурме Будапешта. Окончил войну в июне 1946 года в Австрии командиром полка связи. Награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1942 г.), «За взятие Будапешта» (1946 г.), орденами Отечественной войны I и II степени, юбилейными медалями в честь Победы.

После войны, окончив Муромский учительский институт, преподавал историю в Шиморском речном училище, в Выксунском ПТУ № 3. В Выксу с семьей переехал в 1956 году, через год поселился в Досчатом. Работал директором клуба, потом в ОТК на заводе медоборудования.

Писать стихи Николай Степанович начал после войны. Печатался в газетах «Сталинская вахта», «Гудок», «Выксунский рабочий». Человек общительный, неравнодушный, активный, в своих стихах он живо откликался на все происходящее в городе и поселке, умел увидеть недостатки в жизни и людях. У него немало сатирических, ироничных, юмористических и просто веселых стихотворений. Есть и глубоко прочувствованные лирические строки о природе, о родном крае, о земляках, о любимой всей душой Родине. Стихи Н.С. Сидельникова порой неровные, не совсем совершенные, но всегда живые, искренние, идущие от самого сердца.

У ЛУНКИ

Верхом на ящик взгромоздившись,
Сидит над лункой рыболов,
Как будто памятник застывший,
Боясь промолвить пару слов.

Порой с утра до самой ночи
Бьет лед пешней наш рыболов,
А завтра снова, между прочим,
Идти на пруд опять готов.

Ведь на снегу, в кольцо свернувшись,
Лежат желанные ерши.
Ну, где найдешь ты отдых лучше?
И не старайся, не ищи!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Накануне было потепленье,
А уж утром всюду виден снег
К нам зима пришла без разрешения,
Как заходит близкий человек.

И ледок покрыл ручьи и лужи,
Во все стороны дороги пролегли.
Высоко проплыли вдаль от стужи
Запоздавшие с облетом журавли.

И последний лист, с березы
Оторвавшись, мягко лег на снег.
Вот и все. В наш край пришли морозы,
Оборвав короткий летний век.

ПИСАТЬ СТИХИ НЕ ТАК УЖ ПРОСТО

Шутка

«Я Вас люблю», - почти как Пушкин,
Он начал первую строку,
А может быть, намного лучше
Хотелось стих создать ему.

«Я Вас... я Вас...» - так для начала
изволил сотни раз сказать.
Рука перо держать устала,
А он все думал, что писать.

Ведь он хотел на самом деле
«Колом в стих рифму забивать»,
Как Маяковский это делал, -
Ему желал он подражать.

«Я Вас... я Вас...» - все то же тянет,
Пытаясь слово подобрать,
Но стих к возлюбленной Татьяне
Так и не мог он написать.

«Ну, к черту стих! - сказал устало. -
Не буду голову ломать.
Писал стихами я немало,
Пора и к прозе приступать».

И так писал он целый вечер:
«Я Вас, я Вас...» - и все не впрок.
Сказал: «Люблю, до скорой встречи!» -
Вот все, что выдумать он мог.

Февраль 1957 г.

В ЗАВОДСКОЙ КУЗНИЦЕ

Здесь кузнецы во имя мира
Металл для Родины куют,
И тут же рядом, вместе с ними,
Под крышей голуби живут.

Грохочет молот с мощной силой,
С утра до ночи бьет и бьет,
И видит голубь сизокрылый,
Чем занят труженик-народ.

Тот шум и грохот не помеха,
То гимн победы мирных дней.
Он близок сердцу человека
И сердцу сизых голубей.

В печах кузнечных пламя пышет,
Гудит громадой боевой,
И эти голуби под крышей
Сроднились с музыкой такой.

Август 1960 г.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Идти учиться Вова рад!
Он важен и наряден.
В портфель вложил бесценный клад:
Букварик и тетради.

Идет пока он не один
К красивой, светлой школе:
Шагает рядом мама с ним,
Он чуть ей недоволен.

Он провожающим не рад
В такой великий час:
Ведь он идет не в детский сад,
А в школу, в первый класс.

Кивает старшим головой,
Кивает своей ровне.
Сегодня он совсем большой,
В красивой, школьной форме.

На школьный крашеный порог
Ступает смело Вова.
То первый шаг в числе дорог
Его пути большого.

Август 1960 г.

У ОКОШКА

В приоткрытое мною окошко
Ветер нежно коснулся сединок.
Вместе с ветром ворвалась гармошка
И «Уральской рябины» отрывок.

Звуки нежной гармонике плыли,
Как волна за волной на закате,
И в моем они сердце будили
То, что в юности было когда-то.

Песней тронут и песней согретый,
У раскрытого мною окошка
Слушал музыку я до рассвета,
До тех пор, как умолкла гармошка.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ МИЗИНА,
героя-разведчика, расстрелянного немцами
под хутором Вольно-Донском Ростовской области

Это было в хуторе Донском,
Недалеко от большой станицы.
На полу лежал он вниз лицом,
Обливая кровью половицы.

Издаваясь, смертно бил палач
Пытками истерзанное тело.
Даже стены издавали плач,
Даже вьюга с жалостью гудела...

Перед тем как был герой расстрелян,
Он сказал мучителям-врагам:
«Не добьетесь вы, чего хотели,
Час расплаты близок палачам!»

Это был герой наш - Коля Мизин,
Шел ему тогда двадцатый год.
Это он погиб в борьбе с фашизмом,
Но в живых хранит его народ.

СЕДИНУ ТЫ СВОЮ НЕ СКРЫВАЙ

У тебя на висках седина,
Отливая, блестит, серебрится.
Ведь ее подарила война,
Ну зачем обижаться, сердиться?

И к чему ее прятать, скрывать,
Объяснить я никак не могу.
Затушевывать, красить, смывать,
Откровенно скажу: ни к чему.

Молода еще ты, это верно,
И с лица, и собой хороша.
Седину ты заметила первой,
И в тебе взволновалась душа.

Не виски, а, допустим, весь волос
Запорошится снежной пургой,
Обниму и скажу во весь голос:
«Ты мне нравишься лучше такой».

У тебя на висках седина,
Отливая, блестит, серебрится.
Ведь ее подарила война!
Не скрывать - ей должна ты гордиться.

Январь 1963 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Из живого родника выксунских народных преданий	3
«На Выксе писал пиесу»	15
Памяти Николая Петровича Ключарёва	27
Листопад	34
Промчалась жизнь	35
Посиди со мною рядом	36
В тумане стынет тишина	37
Девчонка	38
Старая шинель	39
Поэты прошлых лет	41
В те далекие двадцатые годы (В. Г. Балдин)	41
Письмо другу	42
Марш «Легкой кавалерии»	44
«Колыбельная песня»	45
«Душа моя песен полна» (Б. Н. Личнов)	47
Письмо к любимой	48
Письмо с юга	49
«В часы тяжелого раздумья...»	50
Вечер	51
«Два парохода в синих водах...»	52
Желание	53
Мы помним	53
Предчувствие весны	54
Будущее	55
Слово от сердца (Н. С. Сидельников)	57
У лунки	57
Первый снег	58
Писать стихи не так уж просто	58
В заводской кузнице	59
Первый шаг	60
У окошка	61
Памяти Николая Мизина	61
Седину ты свою не скрывай.	62

Издательство **A4**

603000, Нижний Новгород,
ул. Красносельская, 11^б, оф. 415
Телефон: (8312) 77-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Нижегородский печатник»
603116, Нижний Новгород,
ул. Гордеевская, 7
Телефон: (8312) 41-02-69
E-mail: oao_np@mail.ru

Подписано в печать 23.02.07

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Усл. печ. л. 3,34. Уч.-изд. л. 2,97
Тираж 999 экз. Заказ № 1190

Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха

